

УДК 166.111

Я.И. Донцов

МУДРОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Мудрость, мудрец, мудрый совет, решение... мудрость веков. От этих слов веет чем-то глубинным и, в тоже время, таким знакомым. В чём заключается их спокойная сила? Что такое мудрость? Где найти, как познать её? Попытка найти ответ в энциклопедиях вызовет недоумение: там такой статьи нет! Хотя понятие «ум» раскрыто достаточно полно. В толковых словарях «мудрость» и его производные рассматриваются, но как слова, в филологическом контексте. Во многих случаях указывается – уст. (устарелое). В философских словарях ни понятие «мудрость», ни «мудрец», ни их производные не рассматриваются. Только в «Философском словаре», изданном в 1986 г. в Киеве под редакцией Шинкарука В.И., удалось обнаружить статью посвящённую мудрости [1, с. 403]. Её написал ведущий сотрудник Института Философии АН УССР, профессор Крымский С.Б. И только через 8 лет в «Краткой философской энциклопедии» даётся ещё одно определение мудрости (по Н. Гартман. Этика, 1935) [2, с. 279]. С 2001 г. статьи о мудрости регулярно появляются в философских словарях и энциклопедиях. Однако сами определения понятия «мудрость» на удивление различны. Складывается впечатление, что каждый раз скорее делается очередная попытка определить это понятие, чем изложить его общепринятую трактовку.

Обратимся за разъяснением загадки к самой философии, название которой расшифровывается как «любовь к мудрости». В ней понятие «мудрость» должно по праву занимать центральное место. Увы, здесь мы сталкиваемся просто с невероятным явлением. В философии это понятие практически не используется. Уточню, каждый из философов в своих трудах неоднократно употребляет слово «мудрость», но именно как слово и в том значении, которое сам решит ему придать в своём тексте. Единой трактовки «мудрости» как понятия в философии просто не существует. Попытки различных философов определить это понятие настолько отличаются друг от друга, что служат лучшим подтверждением существования проблемы. Более того, эти определения даются не в контексте непосредственного рассмотрения вопроса мудрости, а как вспомогательные, уточняющие определения или ремарки, возникающие по ходу рассмотрения иных проблем. Наиболее обстоятельно этот феномен раскрыл Столович Л.Н. в статье «Мудрость и знание» [3]. Другие авторы также рассматривают «мудрость», но как составную часть термина «философия», не делая её отдельным предметом изучения [4 - 5].

Данное обстоятельство впервые было отмечено профессором Ф.В. Лазаревым, который одним из первых среди современных исследователей обратился к анализу проблемы мудрости в качестве центральной философской категории.

Итак, оказывается, задавая вопрос о том, что же такое «мудрость», мы затрагиваем по-настоящему интересную тему. Вдумчивого и внимательного исследователя она порадует значительными открытиями и удивит неожиданными парадоксами. Похоже, пришло время обратиться к самой сути философии. Сегодня у философов для этого достаточно сил и оснований. Начнём с самого начала.

Откуда нам известно слово «мудрость»? Издавна, такого далёкого, что сейчас уже и не ведомо. Обратимся к филологии. «Мудр/-ость/-ый»: по-русски «мудрость», по-украински «мудрість», по-болгарски «мъдър», по-сербо-хорватски «мудар», по-словенски «модер», по-чешски «moudry», по-словацки «mudry», по-польски «mądry». Мы видим, что слова всех славянских языков имеют одну основу – старославянское слово «мудръ». Пойдём глубже «мудр/-ость/-ый»: по-литовски «mandrus», по-латышски «muodrs», по-готски «mundon», по-др-исландски «munda», по-албански «mund», по-гречески «μυθάνω», по-авестийски «mazdra», по-др-индийски «medha» [6, с. 670]. Мы снова обнаруживаем единый корень «mudr/-г» санскритского слова «mudryate» [7, с. 199], принесённого в Индию ариями во II тысячелетии до н.э. Сам же санскрит возник значительно раньше. Мы видим, что слово «мудрость» пришло к нам из глубины истории и арийский корень «mudr» является основой слова «мудрость» (и аналогичных ему по смыслу) множества более поздних языков.

Именно многотысячелетней историей употребления слова «мудрость» объясняется его единое смысловое наполнение у разных народов, подсознательно прочитываемое нами, с одной стороны, и полное отсутствие (забвение) рациональной интерпретации его значения, с другой. Здесь мы сталкиваемся с проявлением некой глубинной традиции. Более глубинной, чем наша рациональность и возможно само мышление. Человеческое мышление.

Речь идёт о множестве свидетельств того, что понятие «мудрость» принадлежит более древнему периоду, чем история человечества – временам существования на Земле высокоразвитого государства загадочных гиперборейцев и ещё более древних Атлантов. Об этих временах, народах и расах упоминают все основные мифологические и религиозные системы (в частности Библия, Кн. Бытия 6:2-4 [8]), многие авторитетные авторы. В «Тимее» Платона Солон («мудрейший из семи Мудрецов») пересказывает слова жреца: «На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, возник великий и достойный удивления союз царей... Но позднее, когда пришёл срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки... Атлантида исчезла, погрузившись в пучину» [9, с. 466]. По свидетельству Ямвлиха, Пифагор принимал у себя широко известного в те времена посланника Гипербореи Абариды и сам называл себя Аполлоном Гиперборейским [10, с. 96].

Эти народы создали универсальные системы знаний, которые передали представителям раннего человечества в той форме, в которой могли быть ими восприняты. В форме сокровенных посвящений. Этим знаниям обучались специально отбираемые юноши и девушки в закрытых учебных заведениях (в них же, позднее, получали образование и первые философы). Впоследствии они становились «посвящёнными» – ведическими волхвами, египетскими жрецами, халдейскими и финикийскими магами и др. Их миссией было на законных

основаниях хранить и передавать людям данную свыше «мудрость богов». Что они и делали в метафорической форме мифа, наиболее соответствующей возможностям восприятия обычных людей. На протяжении тысяч лет функционировала эта система, породив «теократическую» модель организации древних государств. На протяжении тысяч лет основой мировоззрения людей являлась мифология, формируя их сознание и мировосприятие.

Любопытно, что в Древней Греции понимание сути мифа было принципиально отличным от современного. «Митос» – греческое слово, от которого произошло современное слово «миф», изначально несло в себе значение чего-то определённого и окончательного, неоспоримого и общепринятого. «Логос» же являлся общеупотребительным греческим словом, обозначающим «слово», и представлял нечто доступное обсуждению и дискуссиям» [11, с. 301]. Значительно позднее, в высказываниях христианских теологов о языческих мифах, слову «миф» было придано отрицательное значение – «неграмотная выдумка, фантазия, заблуждение...».

Со временем глубинные знания были утеряны, сущностное содержание мифа забыто, а сама мифология и проповедовавшее её жречество превратились в закостеневшую систему. Наступило время перейти от традиционной, но уже не соответствующей уровню развития человеческого сознания, формы мировосприятия к новой, независимой и рациональной – «от мифа к логосу».

Эту задачу выполнила философия. Избрав основным инструментом «ум» и методом «рассуждение», она подвергла рациональному осмыслению мифологию и само человеческое мышление, восприятие мира. Призвала перейти от веры, образа, чувствования к разуму, понятию, логике. Приступила к созданию систем, объясняющих мир и миропонимание на новых основаниях.

Философы основали первые светские учебные заведения, написали первые учебники и множество выдающихся работ, стояли у истоков многих наук. Успехам философии способствовало и её название, традиционно переводимое с греческого как «любовь к мудрости». Слово «мудрость», традиционно вызывавшее у людей глубокое уважение, гордо реяло на флаге философии и подкрепляло её право взять на себя выполнение мировоззренческих функций. С позиций разума постичь и раскрыть людям «наиболее общие законы...» и научить... «как жить». Казалось, торжество мысли близко.

Результаты оказались намного прозаичней ожиданий. Ни мир, ни природа человека так и не были поняты, наиболее общие законы так и не были сформулированы, разумное мировоззрение так и не возникло. Мудрость не только не нашла своего места в философии, но и была выведена за её пределы. Сегодня многие специалисты говорят даже о конце самой философии.

В чём же причина такого итога? Ответ – в отчуждении мудрости.

Вначале, на уровне слова и смысла. Вместо древнего слова «мудрость» с корнем «*muδr*», а точнее его греческого производного «*μαυθάνω*» (мангано, т.е. учусь, замечаю, понимаю) было использовано иное слово с иным смыслом – «софия». Заглянув в древнегреческо-русский словарь мы увидим, что «σοφία» означает: 1) мастерство, искусство, искусство убеждать; 2) сметливость,

изворотливость, ловкость, пускать в ход хитрость; 3) разумность, рассудительность, житейская мудрость, практический ум; 4) учёность, просвещённость, знание; 5) наука, наука о первоначалах, т.е. философия; 6) (высшая) мудрость, философское знание, т.е. философия [12, с. 1490].

Как видим, значение «(высшая) мудрость» занимает последнее, шестое место. Более того, сам характер его пояснения (т.е. философия) указывает на его искусственный и явно поздний характер, уже после того, как оно стало частью общеупотребимого слова философия. Изначально «софия» и была софией – мастерством, искусством убеждать, сметливостью, изворотливостью, ловкостью, умением пускать в ход хитрость. Что ясно видно из следующей статьи, которая рассматривает её как глагол. И однозначно раскрывается в статье «σοφισμα» (софизма) – хитрая уловка, ложное умозаключение, софизм.

Не лучшим выбором оказалось использование и слова «фило» – любовь. Любить что-то и знать, иметь что-то – совершенно разные вещи. Это как «любить армию» и «служить в армии» – две совершенно разные реалии. Философия выбрала реалию «любить мудрость», а не «знать мудрость». Тем более, что на поверку «софия» оказалась софизмом, а не мудростью. Именно поэтому «софия» и не прижилась в качестве «мудрости» и трансформировалась в христианское теологическое понятие «божественная премудрость».

Были и другие варианты названий: Афина, Минерва, Алетея (раскрытие, исследование, обнажение, откровение), Филодокса (любовь к мнениям).

Затем, произошло отчуждение на уровне метода. Обозначу лаконично:
ум, разум, интеллект используются как основной инструмент познания
создаётся разумный метод (рассудочное мышление и умозрительная доказательность)

создаётся механизм философских (умозрительных) доказательств
интеллектуальное начинает преобладать над чувственным
уму, мысли, мыслительному процессу придаётся статус «абсолюта»
отсутствует понимание феномена «ума, мысли» при их «канонизации»
возникает новая мифология – разума и рациональности
ум, обретя свободу, начинает всё подвергать осмыслению, сомнению, критике и пересмотру

знания заменяются суждениями, умозрительными построениями
системные знания заменяются личными рассуждениями
философия становится авторской областью знания
со временем превращается в историю различных мнений различных авторов и мнений других авторов по поводу мнений первых

искания, мнения, авторские размышления и теории – это не знания
знание начинает трактоваться как благо, добродетель, моральность
всё (особенно мнения друг друга) предаётся критике, ниспровержению
возникает оспаривание, спор, хула
как защитная позиция возникает скептицизм (очень рано и устойчиво)
возникает софистика (искусство ложных умозаключений)
отсутствует способ сравнения мыслей с реальностью

происходит отказ от «истины» как критерия и как цели
вопрос о практическом подтверждении и применении теорий снимается
философия отказывается быть наукой
возникает раскол между реальным миром и нашим представлением о нём
многомерность сводится к дуальности (противостоящим парам)
материальное противопоставляется идеальному
«основной вопрос» сводится к первичности
возникает агностицизм, нигилизм ... идея о «конце философии»

сведя всё к рассудку и логике, философия теряет сакральность
отринув разумом «божественное», отрицается и «трансцендентное»
трансцендентное, а с ним и всё высшее, выносится за границы философии
теряется мудрость, знание того, что это такое и путей её обретения
место мудреца, обладающего высшими знаниями и ведущего соответствующий
им образ жизни, занимает философ («любитель мнений»)
мудрости начинают давать произвольные противоречивые определения
постулируется недоступность мудрости человеку в принципе
«мудрость» как понятие вообще изымается из философии
мудрость приписывается исключительно Богу
«софия» становится термином христианской теологии.

Продельвая такой путь, философия опустошает саму себя и, обнаруживая свою
невостребованность реальным обществом, идёт на службу государству, взяв на себя
функцию формирования светской идеологии или теологии господствующей
религии. Возникает догматизм. Упоминание о мудрости в официальном контексте
становится неуместным и вызывает агрессию.

Однако в обществе и самой жизни людей мудрости не становится меньше. Она
трансформируется из явной, представляемой посвящёнными служителями
соответствующих институтов (волхвами, жрецами и др.) в неявную. Как форма
системных глубинных знаний, она обретает тайные (эзотерические) лики. Как
форма квинтэссенции коллективного опыта – лики бессознательного. В обществе,
наряду с системами философского, религиозного и научного знания, начинают
функционировать иные системы.

В конце 80-х гг. в Институте Философии АН СССР была создана
исследовательская группа «Анализ вненаучного знания». Её целью было «отстоять
мысль о равноценности науки и вненаучного знания в контексте теоретико-
познавательного анализа». В 1992 г. «Центр по изучению немецкой философии и
социологии» в рамках русско-немецкого проекта «Анализ научных и вненаучных
форм мышления» продолжил работу по проведению обстоятельного анализа
существующего в обществе многообразия типов знания [13, с. 3]. С тех пор в
философию прочно вошёл термин «вненаучное знание». Он стал использоваться для
обозначения знаний, получаемых вне науки и не соответствующих требованиям
научной рациональности.

Таких знаний множество. Их издавна вырабатывают, хранят и передают
специализированные системы: ведические волховские и египетские жреческие

институты, древнегреческие элевсинские, орфические и пр. мистерии, мистические учения Средних веков (астрология, алхимия, магия, каббала), Нового времени (магнетизм, месмеризм, спиритизм), Новейшего времени (теософия Е. Блаватской, «Живая этика» Е. Рерих, учение о ноосфере В. Вернадского) и др.

Особое место в так называемой «Традиции» занимают десятки тайных обществ, существующие на протяжении всей истории человечества (и в наши дни): масоны, тамплиеры, розенкрейцеры и др. Именно их знания закладывались в архитектуру соборов, влияли на ход истории целых государств и сегодня правят миром. Не случайно все до одного президента США являлись масонами высших ступеней посвящения. На обороте одного доллара США изображены не научные формулы, а эзотерические символы. Малоизвестно, что и в СССР существовали тайные общества, членами которых были государственные деятели самого высокого уровня [14]. Знания, передаваемые в форме посвящений в эзотерических обществах, однозначно рассматриваются их членами как мудрость, которую следует оберегать от непосвящённых.

Существуют и более распространённые формы вненаучного знания: обыденно-практическое (бытовое, повседневное), нравственное (моральное, этическое), эстетическое, социальное, предпосылочное знание. Все эти виды знаний являются неявными. Вербально выразить их, как правило, трудно. В большинстве случаев это внесознательное, чувственное знание, когда объект осваивается чувствами или иными свойствами человека, не имеющими рациональной интерпретации в терминах науки. Совокупность такого рода вненаучных знаний часто называют житейской, народной мудростью.

Более того, вненаучное знание, по сути, не является «знанием» в строгом смысле этого слова. Это может быть традиция, система общепринятых действий, совокупность образов, подсознательные установки, личный опыт.

Традиционное скептическое отношение официальной науки к вненаучным знаниям не является корректным. В большинстве случаев оно основывается на непонимании вненаучных знаний из-за их явного несоответствия классическим критериям научности. Однако мы знаем, что и сама наука не выдерживает строгой проверки на научность (основания механики, физики...). Особенно в своих пограничных областях, на границе известного и неизвестного. Более того, практически ни одно серьёзное открытие не делается по «строгим научным технологиям», а всегда говорят о некоем прозрении, чудесном озарении. Неотъемлемой составляющей исследовательского процесса является загадочное вдохновение, неподдающееся научному объяснению.

Здесь мы подошли к главному. Вненаучные знания, мистический опыт озарений, чувственные реалии и не собираются соответствовать научным критериям. Они являются производным работы таких свойств человека и мира, которые, на сегодня, вообще не поддаются научной фиксации и осмыслению. Понимаем ли мы механизм работы интуиции? Нет. А механизм мгновенной эстетической оценки чего-либо как «прекрасное»? Тоже нет. И таких примеров сотни. Наука смогла познать многое о материальной стороне мира. Но, оказывается, мир устроен намного более сложно – многомерно. Для постижения его иных «мер»

потребуется иные инструменты, методы и формы фиксации, иные созерцательные позиции, формы миропонимания, иное мировоззрение и иные парадигмы как науки, так и самой философии.

Мудрость нельзя постичь ни научными, ни философскими методами. Она находится за пределами не только человеческого понимания, но и самого человека. В этом её главный секрет. Мудрость находится за пределами антропологической границы человека. Мудрым может быть целое учение и одно единственное слово, если оно раскрывает нам «высший смысл». Является что-то мудрым или нет, мы постигаем интуитивно, внесознательно. Мы безошибочно узнаём «мудрость» каждый раз, когда встречаемся с ней. Такие встречи редки, но мы помним их всю жизнь, они могут даже её изменить.

В форме мудрости с нами говорит наше надсознательное, наша высшая природа, трансцендентное этого мира. Рациональное понимание трансцендентного нам недоступно по определению, именно потому, что оно лежит за антропологическими пределами человека. Древние учения всегда говорили, что следует искать не саму мудрость, а дорогу к ней. В этом состоял смысл многолетнего обучения в специальных школах – в личностной трансформации человека. В изменении его антропологических характеристик. Школы отличались одна от другой характером используемых для трансформации методик, т.е. путей. Именно тогда, когда человек в итоге выходил за пределы антропологических границ, он постигал надсознательное, высшую природу человека, трансцендентное. Такие выходы называются «озарением», «сатори», «самадхи» и пр. Человека, способного их совершать по своему усмотрению и сохранять осознанность в этих состояниях, все культуры мира называют одинаково – «просветлённым». Момент просветления кардинально изменяет человека. Теперь он будет мыслить, говорить и действовать по-другому. Изменится сам образ его жизни. С этого момента всё, что скажет такой человек, будет нами восприниматься как мудрость. Мы интуитивно будем ощущать, что его слова отражают знание «высшего».

«Мудрость» – классическое интервальное понятие, как и «прекрасное». Ни одно, ни другое не имеет ясной содержательной трактовки, не существует самостоятельно. Они оба носят не сущностный, а оценочный характер. Оба представляют собой высшее значение диапазона (интервала) некоего критерия. Если мы что-то решим оценить с эстетических позиций по критерию «красота», наша возможная оценка будет располагаться в диапазоне от «безобразного» до «прекрасного». Соответственно, если мы что-то решим оценить с теоретических позиций по критерию «ум», наша возможная оценка будет располагаться в диапазоне от «безумного» до «мудрого». Мудрость, как и прекрасное, появляется за традиционно возможными пределами человеческих способностей. Именно в этом и состоит их уникальность. Именно поэтому мы так редко с ними встречаемся. Мы ходим разными путями.

Мы рассмотрели в этой статье разные пути мудрости в европейской культуре: постижения в специальных институтах, сохранения в различных формах вненаучного знания, отчуждения в философии и обретения в выходе за пределы антропологических границ человека. Процессы постижения, сохранения и

отчуждения мудрости европейская культура уже освоила. Пришло время обретения мудрости. Удивительное время – удивительная задача. Не к её ли решению готовилась философия всё это время?

Список литературы

1. Мудрість: Філософський словник / За ред. В. І. Шинкарука. – К.: Гол. ред. УРЕ, 1986.
2. Мудрость: Краткая философская энциклопедия. – М.: Прогресс, 1994.
3. Столович Л. Н. Мудрость и знание // Вопросы философии. – 2003. – № 11. – С. 151 - 159.
4. Мудрагей Н. С. Трудный путь философии // Вопросы философии. – 2001. – № 10. – С. 140 - 151.
5. Шевченко В. Філософія – це «дружба з мудрістю» // Філософська думка. – 2003. – № 4. – С. 15 - 20.
6. Мудрый: Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. / Под ред. М. Фасмера. – М.: Прогресс, 1986.
7. Кедруб Дже. Основы буддийских Тантр: Пер. с англ. – М.: Шечен, 2000. – 240 с.
8. Библия. – М.: Библио - Русикум, 1997.
9. Платон: В 3 т.: Пер. с древнегреч. / АН СССР. Ин-т философии. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3 Ч. 1: Тимей. – 687 с.
10. Ямвлих. Жизнь Пифагора. – М.: Алетея, Новый Акрополь, 1998. – 248 с.
11. Бирлайн Дж. Ф. Параллельная мифология: Пер. с англ. – М.: Крон-Пресс, 1997. – 336 с.
12. София: Древнегреческо-русский словарь / Под ред. С. И. Соболевского. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1958.
13. Знание за пределами науки / Под ред. И. Т. Касавина. – М.: Республика, 1996. – 445 с.
14. Никитин Л. Н. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. – М.: Интерграф Сервис, 1998. – 344 с.

Поступило в редакцию 23.3.04